

На правах рукописи

ХАЧАТРЯН Ани Викторовна

**ПРАВОНАРУШЕНИЯ
И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ**

Специальность 12.00.01. – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Казань 2010

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета НОУ ВПО «Самарская гуманитарная академия»

Научный руководитель: доктор юридических наук,
профессор **Хачатуров**
Рудольф Левонович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук,
профессор **Захаров**
Владимир Викторович

доктор юридических наук,
профессор **Рубаник**
Владимир Евдокимович

Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»**

Защита состоится «30» сентября 2010 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.081.26 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) юридических наук при Федеральном государственном автономном образовательном учреждении ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

Автореферат разослан «___» августа 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета кандидат
юридических наук,
доцент

Г.Р. Хабибуллина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тема «Правонарушения и юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте» является связующей между историческим опытом становления отечественного права и его настоящим. Только при наличии прочного основания российское право будет действительно авторитетным и эффективным, а таким основанием является прежде всего историческая память, понимание истоков и путей эволюции права в целом и отдельных его институтов. Пробудившийся в последние два десятилетия интерес к проблемам древнерусского права выразился в появлении ряда диссертационных исследований по широкому спектру проблем, однако до сих пор нельзя констатировать, что в историко-правовой науке сложилась новая целостная картина становления и эволюции древнерусского права. В связи с этим важным и необходимым представляется дальнейшее углубленное изучение проблем русского средневекового права, особенно переломных для его эволюции этапов.

Один из таких переломных этапов связан с появлением Псковской Судной грамоты, которая занимает особое место в истории русского права. С одной стороны, это первый крупный источник права, в котором столь значимое место получили гражданско-правовые нормы. С другой стороны, текст Грамоты отразил начало нового этапа в эволюции уголовной ответственности – коренным образом изменилась система наказаний, существенные изменения произошли в системе правонарушений.

Текст Псковской Судной грамоты представляет интерес и с точки зрения своеобразного сочетания и взаимопроникновения различных видов ответственности. На основе статей Грамоты можно анализировать особенности не только уголовной ответственности, но также гражданско-правовой и административной.

Такое богатство содержания Псковской Судной грамоты обуславливает интерес исследователей, однако до сих пор нельзя сказать, что этот источник права изучен всесторонне и достаточно глубоко. В самом тексте Грамоты остаётся немало сложных дискуссионных проблем, которые приобретают новые смысловые гра-

ни по мере обнаружения и введения в научный оборот новых источников познания древнерусского права.

Актуальность диссертационного исследования заключается также в том, что до сих пор в историко-правовой литературе повторяются и переписываются идеологические штампы, вошедшие в употребление сотни лет назад. Их аргументированная критика и опровержение являются важной задачей историко-правового исследования.

По вопросам происхождения и состава Псковской Судной грамоты существует обширная литература. С точки зрения диссертанта, можно считать убедительно аргументированной точку зрения, что Грамота создавалась в течение XIV-XV вв. Источниками Грамоты являлись обычное право, вечевые постановления и договорные грамоты с князьями.

Для наилучшего раскрытия особенностей древнерусского права, нашедшего отражение в Псковской Судной грамоте, кроме этого основного источника привлекаются дополнительные источники права и вспомогательные источники информации. Из других источников права большое значение имеет Новгородская Судная грамота, дошедшая до нас в урезанном виде. Эта Грамота была составлена в середине XV века на вече, а после присоединения Новгорода к Московскому княжеству была переписана на имя великого князя Ивана III¹. Как и Псковская Судная грамота, этот источник права основан на обычном праве, вечевых постановлениях и договорных грамотах с князьями.

Русская Правда имеет огромное значение, поскольку большинство исследователей полагают, что установления Русской Правды явились основой, которую положения Псковской Судной грамоты лишь изменяли и дополняли². Кроме того, на основе сопоставления норм Псковской Судной грамоты с установлениями Русской Правды можно делать заключения об изменениях, происходивших в древнерусском праве в период XI-XV вв.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 124.

² Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 42 и др.

Тема «Правонарушения и юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте» представляет большой интерес для глубокого и полного раскрытия значимых этапов эволюции отечественного права. Кроме того, глубокое раскрытие темы исследования на основе широкого круга источников позволяет преодолеть застарелые идеологические штампы, всё ещё используемые в историко-правовой науке.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является раскрытие особенностей содержания правонарушения и юридической ответственности по Псковской Судной грамоте. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- определить понятие правонарушения по Псковской Судной грамоте;
- определить круг субъектов правонарушений по Псковской Судной грамоте;
- рассмотреть субъективную и объективную стороны правонарушений по Псковской Судной грамоте;
- определить особенности объектов правонарушений по Псковской Судной грамоте;
- определить систему преступлений по Псковской Судной грамоте;
- рассмотреть особенности административных и гражданско-правовых правонарушений по Псковской Судной грамоте;
- определить особенности применения смертной казни по Псковской Судной грамоте;
- выявить особенности системы штрафов по Псковской Судной грамоте;
- рассмотреть проблему лишения свободы как вида наказания по Псковской Судной грамоте;
- разрешить проблему наличия телесных и членовредительских наказаний в Псковской Судной грамоте.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются правонарушения и юридическая ответственность в период становления и действия Псковской Судной грамоты. Предметом исследования является совокупность норм, определявших систему и виды правонарушений, регламентировавших особенности установления юридической ответственности в

период действия Псковской Судной грамоты в государствах Северо-Западной Руси.

Соответственно объекту и предмету исследования определяются его хронологические рамки, включающие период XIV-XV веков. Тем не менее, для того чтобы вскрыть, как именно происходило становление некоторых институтов, присущих Псковской Судной грамоте, автор диссертации считает необходимым обращаться к анализу гораздо более ранних памятников права, относящихся к периоду X-XIII веков.

Нормативную базу диссертации составляют:

- законодательные акты Древней Руси (Русская Правда, Псковская Судная грамота, Новгородская Судная грамота, Судебник 1497 г.);
- княжеские церковные уставы (Устав князя Владимира Святославича, Устав князя Ярослава Мудрого, Устав великого князя Всеволода о церковных судах, и о людех, и о мерилах торговых);
- международно-правовые акты русских княжеств (договоры Руси с Византией, договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189-1199 гг., договор Смоленска с Ригию и Готским берегом 1229 г., соглашение Смоленска с Ригию и Готским берегом 1230-1270 гг.);
- договорные грамоты вечевых городов с князьями (договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом 1470-1471 гг., договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем 1326-1327 гг., договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1270 г.);
- источники иностранного права, которые или оказывали непосредственное воздействие на формирующееся древнерусское право, или используются в диссертации для нужд сравнительно-исторического анализа (Закон Судный людем краткой и пространной редакций, хорвато-далматские судебники);
- жалованные и уставные грамоты русских князей (Жалованная грамота Белозерского князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю о порuke и вире за душегубство (1448-1468 гг.), Уставная Белозерская грамота 1488 г., Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г.

Также для обоснования основных положений диссертационного исследования широко привлекался правоприменительный материал, преимущественно содержащийся в летописях. В диссертации использовались Лаврентьевская летопись, Троицкая, Воскресенская, псковские и новгородские летописи. Кроме того, источниками фактического материала являлись сочинения известных деятелей средневековья (митрополита Илариона, архиепископа Адама Бременского, Ибн-Фадлана и др.).

Методологической базой исследования являются общенаучный диалектический метод познания, предполагающий изучение правовых явлений и понятий в их развитии и взаимообусловленности, и частно-научные методы: исторический, системно-структурный, логико-юридический (догматический), сравнительный и др.

Теоретической базой исследования послужили концептуальные положения общей теории права, отечественной историко-правовой науки (работы Ю.Г. Алексеева, М.Ф. Владимирского-Буданова, С.Б. Десницкого, Н.Л. Дювернуа, Н.П. Загоскина, И.А. Исаева, Н.В. Калачова, А. Куницына, Н.Н. Максимейко, И.Д. Мартысевича, В.В. Момотова, К.А. Неволина, Ю.В. Оспенникова, А. Попова, И.М. Радина, Д.Я. Самоквасова, В.И. Сергеевича, К.Г. Стефановского, Н. Суворова, Ф. Устрялова, А.Н. Федоровой, Р.Л. Хачатурова, С.А. Чибиряева, И.Ф. Эверса, И. Энгельмана).

Особую группу основополагающих трудов составили исследования по уголовному праву и истории уголовного права (работы Л. Белогриц-Котляревского, А.Ф. Бернера, А. Богдановского, Ю.И. Бытко, С.Н. Викторского, Т.В. Воротилиной, Ф. Делпа, В.В. Есипова, В.И. Зубковой, М.М. Исаева, П.Д. Калмыкова, А.Ф. Кистяковского, С.А. Кондрашкина, М.Ю. Неборского, О. Ланге, А.С. Михлина, Л.П. Рассказова, И.В. Упорова, В.А. Рогова, А.И. Сидоркина, Н.С. Таганцева, Д. Тальберга, Ф.Р. Сундукова, И.Я. Фойницкого, А. Чебышева-Дмитриева, М.Д. Шаргородского).

Наконец, диссертационное исследование опиралось на концептуальные разработки в трудах общеисторической направленности (работы В.А. Александрова, Т.Н. Грановского, Н.Н. Дедова, митрополита Евгения (Болховитинова), Н.М. Карамзина, А.В. Карташева, В.О. Ключевского, Л.В. Милова, митрополита Макария, М.П. Погодина, Н.Л. Пушкаревой, М.К. Рожковой, М.Б. Свердлова,

М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, Я.Н. Щапова, С.В. Юшкова, В.Л. Янина).

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым за последние 50 лет в истории отечественного государства и права комплексным монографическим исследованием, в котором с учетом современных требований рассматриваются проблемы правонарушений и юридической ответственности в период феодальной раздробленности на Руси.

Научная новизна диссертации заключается в следующих основных положениях, выносимых на защиту:

- 1) правонарушение, по Псковской Судной грамоте, включало в себя два аспекта: частноправовой и публично-правовой. Согласно первому, нарушался частный или общественный интерес, что влекло за собой частноправовое воздействие (месть, самосуд, мировое соглашение). Согласно второму, нарушалась норма права, установленная государством, что влекло за собой наказание, установленное государственной властью;
- 2) критериями определения круга субъектов правонарушений являлись состояние свободы и возраст;
- 3) псковское право знало такие основания освобождения от уголовной ответственности, как особое психоэмоциональное состояние и состояние необходимой обороны;
- 4) специфика преступлений против собственности, по Псковской Судной грамоте, заключается в том, что они тесно переплетаются с группой деяний, направленных против государственных интересов (кримская татьба, поджог);
- 5) ко времени Псковской Судной грамоты месть не являлась отошедшим в прошлое институтом. Она сохранилась и эволюционировала в институт самосуда и уже под этим именем рассматривалась в тексте Псковской Судной грамоты и других современных ей источников права;
- 6) институт смертной казни, по Псковской Судной грамоте, не имел иностранного происхождения, вырастая из системы наказаний древнерусского права более раннего периода;
- 7) к гражданско-правовым правонарушениям относились неисполнение долга, несоблюдение принципов заключения

договорных отношений, незаконное распоряжение имуществом, потрава;

- 8) к разновидностям гражданско-правовой ответственности, по Псковской Судной грамоте, можно отнести возмещение ущерба, восстановление исходного состояния, лишение права, лишение предмета, посредством которого причинён ущерб пострадавшей стороне ;
- 9) группа административных правонарушений только начинает формироваться, поскольку государственная власть ещё слаба и недостаточно оформлена. Предусматривались такие виды правонарушений, как неисполнение должностных обязанностей, вмешательство в деятельность государственных органов и должностных лиц;
- 10) Псковская Судная грамота отражает самую раннюю ступень становления административно-правовой ответственности. К мерам административной ответственности можно отнести отстранение от должности и административные штрафы.

Научная и практическая значимость диссертации заключается в том, что сформулированные в ней научные положения и выводы могут быть использованы при дальнейшем теоретическом исследовании вопросов становления и развития системы правонарушений и юридической ответственности в истории феодального права России.

Материалы диссертации могут использоваться в процессе преподавания истории отечественного государства и права, истории государства и права зарубежных стран, истории России, уголовного, гражданского и административного права, а также различных спецкурсов в высших учебных заведениях.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения исследования докладывались на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической ответственности» (Тольятти, 12-13 декабря 2008 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушения и юридическая ответственность», проводимой в ГОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет» (Тольятти, 3-4 декабря 2009 г.), и были отражены в 12 научных публикациях автора,

в том числе в одной монографии. Общий объем публикаций – 13, 68 п.л.

Подготовленное диссертационное исследование обсуждалось на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета НОУ ВПО «Самарская гуманитарная академия».

Материалы диссертационного исследования используются в процессе преподавания дисциплины «История отечественного государства и права» ГОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет», НОУ ВПО «Самарская гуманитарная академия», Филиала ГОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Тольятти.

Структура диссертации: введение; три главы, объединяющие восемнадцать параграфов; заключение; библиографический список.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает в себя определение актуальности темы, объекта и предмета исследования, его хронологических рамок, цели и задач, методологической основы, круга источников. Во введении также определяются теоретические основы и степень изученности темы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Понятие и состав правонарушения по Псковской Судной грамоте»** рассматривается содержание объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон правонарушения, согласно нормам Псковской Судной грамоты.

Псковская Судная грамота отражает новый этап эволюции понятия правонарушения. Однако и к середине XV века псковское право не избавилось от сосуществования и взаимовлияния двух подходов к пониманию правонарушения – частноправового и публично-правового. С точки зрения первого, правонарушение рассматривается как нарушение субъективного частного интереса или интересов общества. Соответственно, допускается частное воздействие на преступника – месть, самосуд, мировое соглашение. С точки зрения второго подхода, правонарушение является нарушением нормы, которая установлена государством. Соответственно, оно требует иного воздействия – наказания, которое налагается публичной властью, судом.

Псковская Судная грамота в отличие от Русской Правды считает преступлениями не только посягательства на личность и имущество, но и деяния, направленные против государства, его органов. Наличие норм, устанавливающих меры наказания за преступления против государства в Псковской Судной грамоте, а также их развитие в последующих кодификациях, свидетельствуют о постепенном вытеснении частноправового элемента правонарушения публично-правовым.

Выявляя особенности определения субъекта правонарушения, по Псковской Судной грамоте, самое пристальное внимание необходимо уделить разграничению классовой и протосословной структур древнерусского общества. Для юридических отношений, в том числе для определения субъекта правонарушения, гораздо большее значение имела протосословная структура общества. В псковском княжестве все свободные, независимо от своего социального положения, несли равную ответственность за совершённые правонарушения, однако несвободные категории населения обладали ограниченной правоспособностью. Иными словами, они не были бесправными в полном смысле этого слова и могли, в частности, выступать в качестве свидетелей в суде, вступать в брачные и обязательственные отношения и т.п.

Анализ правовых установлений Псковской Судной грамоты показывает, что женщина как специальный субъект правонарушений не выступает. Такие случаи, видимо, относились к ведению церковного суда. Относительно возрастных ограничений можно отметить семилетний порог как возраст наступления уголовной ответственности за совершённые преступления.

Для иностранного подданного, совершившего преступление или правонарушение, судебное разбирательство и наказание определялись по законам той местности, где было совершено преступное деяние. Тем не менее, подвластные правителям русских земель и иностранные подданные обладали различным правовым статусом, что хорошо прослеживается уже в Русской Правде, согласно которой иностранцы могли представлять на суд меньшее количество послухов, а позднее закрепляется в период Псковской Судной грамоты.

Псковская Судная грамота делает значительный шаг вперёд в развитии понимания субъективной стороны преступления в отече-

ственном законодательстве. Важнейшим элементом субъективной стороны правонарушения является вина, отсутствие которой исключает уголовно-правовую ответственность. Современная теория права трактует вину как психическое отношение правонарушителя к своему общественно вредному противоправному деянию, а также к последствиям этого деяния, и характеризуется особым состоянием интеллекта и воли правонарушителя, выражающим его негативное отношение к ценностям общества.

Статья 3 Псковской Судной грамоты ставила наступление ответственности для правонарушителя в прямую зависимость от наличия вины – только тот человек мог быть подвергнут наказанию, вина которого доказана. Грамота не только знает понятие вины, но и различает степени вины.

Особой суровостью наказания выделяются умышленные преступления, допуская освобождение от ответственности в случае заключения сторонами мирового соглашения по преступлениям небольшой тяжести. Умысел в Псковской Судной грамоте прослеживается не явно, а на основе косвенных наблюдений и соответствующих умозаключений. Законодатель нигде прямо не различает умышленные и неумышленные преступные деяния, однако исследовательская работа позволяет выявить различия обеих групп преступлений. Напротив, Псковская Судная грамота освобождала от ответственности при невиновном причинении вреда.

Древнерусское право уже с первых законодательных источников права знало понятие соучастия в совершении преступлений. Однако проблема соучастия в преступлении решалась в Грамоте иначе нежели в Русской Правде. По Псковской Судной грамоте, совокупность воли нескольких обвиняемых не меняла меры ответственности за совершенное преступление. Все соучастники несли солидарную ответственность за совершенное преступление без определения роли каждого из них.

Современная теория права под объективной стороной преступления понимает процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (нарушения правовых запретов) или бездействия (на-

рушения правовых предписаний) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата.

Описываемые Псковской Судной грамотой преступления совершаются путём действия. В этом смысле Грамота отличается от Русской Правды, которая предусматривала ответственность за банкротство, возникшее по вине должника, то есть за правонарушение, выражающееся в бездействии – злостной неуплате долга. Точно так же в отличие от Русской Правды в Псковской Судной грамоте не упоминается о стадиях реализации преступных умыслов. Русская Правда делит правонарушения в зависимости от степени реализации преступного умысла на 2 стадии: покушение на преступление и оконченное преступление. Отсутствие в Псковской Судной грамоте вышеуказанных норм компенсируется обилием норм, содержащих квалифицирующие признаки места и способа совершения того или иного преступления.

Важным элементом объективной стороны преступления, по Псковской Судной грамоте, является место совершения преступления. Грамота предусматривает особое регулирование для преступлений, совершённых в церкви, в кремле, перед судом. По способу совершения преступления следует выделить такой состав преступного деяния, как поджог.

Псковская Судная грамота, не выделяя сам термин «объект правонарушения», разграничивает ответственность за различные виды преступных деяний в зависимости от объекта преступного посягательства. Объекты различаются в зависимости от правового статуса, при этом в изменяющемся псковском праве XIV-XV вв. находят своеобразное выражение тенденции, проявившиеся в эволюции общерусского права рассматриваемого периода.

Значение объекта правонарушения для его общей оценки весьма велико. Уже во времена Русской Правды различная правоспособность лица как объекта преступления определяла степень тяжести преступного деяния и соответствующее наказание.

Проблема дифференциации ответственности в зависимости от статуса объекта имеет серьёзное внутреннее противоречие: с одной стороны, естественное развитие древнерусского права привело к тому, что древние нормы, исключавшие дифференциацию наказания по социальному статусу объекта, постепенно перестали действовать и в XII-XIV вв. заменяются на прямо противоположные,

вводящие дифференциацию; с другой стороны, в Псковской Судной грамоте, источнике права XIV-XV вв., по-прежнему отсутствует дифференциация по указанному критерию. Разрешение этого противоречия видится в двух возможных вариантах: 1) следует признать, что нормы Псковской Судной грамоты носили архаический характер, не изменяясь в течение длительного времени и не отражая уже изменившиеся общественно-экономические условия; 2) отсутствие дифференциации наказаний по социальному статусу объекта преступления отражает реальное положение в Пскове, где процесс феодального классовообразования отставал от других русских земель, в том числе от Новгорода (где, видимо, и действовали рассмотренные выше нормы Устава князя Ярослава, Правосудья Митрополitchья, Двинской уставной грамоты, Новгородской Судной грамоты). Последний подход находит подтверждение в историко-правовой литературе и в целом выглядит более убедительным, в связи с чем поддерживается и диссертантом.

Тем не менее, средневековое общество выделяло некоторые группы лиц по их особому статусу и наделяло их повышенной правовой защитой. К ним относились послы, заложенники, священники. Древнерусское право в этом смысле не являлось исключением, и источники права XII-XV вв. дают нам множество тому примеров.

В средневековом обществе большое значение имело деление людей на правоспособных и лишённых правоспособности (к последним на Руси относились холопы и рабы). Их жизнь, здоровье, личные и имущественные интересы никак не защищались законом. В Псковской Судной грамоте об их бесправном положении ничего не говорится, однако в современных Грамоте источниках права можно найти некоторые упоминания о позиции законодателя в отношении защиты интересов этой общественной группы. К примеру, по тексту Двинской уставной грамоты любое убийство холопа господином представляется законодателем как случайное: «осподарь огрешится ... случится смерть». Такая формулировка уже подготавливает восприятие этого деяния как не подлежащего уголовной ответственности. Единственное наказание, которое, возможно, ожидало в подобном случае господина-убийцу – это церковное покаяние, налагаемое в соответствии с каноническим правом.

Следует отметить, что это установление Двинской уставной грамоты существенно отличается от аналогичных установлений Русской Правды. С одной стороны, Русская Правда в общем виде фиксировала различия в правоспособности свободного человека и холопа, оговаривая, что за убийство холопа вира не может взиматься. С другой стороны, убийство холопа без вины всё же рассматривалось как уголовно наказуемое деяние и влекло за собой штраф в пользу князя.

Большую проблему представляет также разрешение вопроса: являлась ли женщина в псковском праве специальным объектом преступления? Сама Псковская Судная грамота не делает практически никаких различий в правовом статусе мужчины и женщины, однако анализ других источников древнерусского права позволяет делать иные предположения. В частности, на основе изучения текста Русской Правды О. Ланге, А.А. Зимин, Р.Л. Хачатуров и некоторые другие исследователи полагают, что санкция за убийство женщины составляла половину от санкции за убийство свободного мужчины. Противоположную точку зрения отстаивали В.И. Сергеевич, С.В. Юшков, М.Н. Тихомиров, В.Л. Янин, Н.Л. Пушкарева, Ю.В. Оспенников. Авторы этой группы делают вывод, что право Северо-Западной Руси оценивало жизнь свободной женщины столь же высоко, как и жизнь мужчины.

На взгляд диссертанта, обе точки зрения в равной степени слабо аргументированны в связи с немногословием источников и возможностью их толкования как в одну, так и в другую сторону. Вероятно, что разрешение этой дискуссии будет возможно только при условии обнаружения и привлечения новых источников, которые прольют свет на этот проблемный вопрос. В диссертации же материал рассматривается исходя из того, что Псковская Судная грамота нигде прямо не оценивает свободную женщину как неполноправного объекта преступного деяния.

По семейному положению Псковская Судная грамота также не различает специального объекта. Ст. 97 Грамоты, регулируя случаи убийства сыном отца или брата братом, не устанавливает какую-то иную меру ответственности, отличную от продажи, назначаемую в случае любого другого убийства. Многие исследователи видят в этой статье новаторство Псковской Судной грамоты, существенно расширившей сферу компетенции светской судебной вла-

сти. Большинство учёных полагают, что расширение компетенции происходит за счёт сферы церковного суда, к ведению которого эти дела относились ранее. Однако следует заметить, что источники церковного права никогда не говорили об убийстве отца сыном или брата братом.

Псковская Судная грамота уделяет гораздо меньше, чем Русская Правда, внимания такому объекту преступного посягательства, как честь человека. Текст Пространной редакции Русской Правды насыщен статьями, предусматривающими ответственность за посягательство на честь свободного человека (статьи 23, 25, 67, 68 и др.). Напротив, во всём тексте Псковской Судной грамоты упоминание об этом объекте можно найти лишь в 117-й статье.

Конокрадство также выделялось Псковской Судной грамотой как особый вид татьбы на основании особенностей объекта преступного посягательства и наказывалось смертной казнью наряду с кримской татьбой. Со времён Русской Правды конокрадство относилось к тяжким видам татьбы, поскольку конь был важнейшим средством производства, а также боевым имуществом. Общественная опасность данного деяния была подчеркнута еще в Русской Правде, предусматривающей за конокрадство наказание в виде выдачи на поток и разграбление, тогда как за татьбу из клети назначалась продажа только 3 гривны.

Во второй главе **«Виды правонарушений по Псковской Судной грамоте»** предлагается классификация правонарушений, известных в период Псковской Судной грамоты, и подробный анализ отдельных видов преступных деяний.

Представление о преступлениях против личности относится к числу понятий, которые весьма редко определяются в историко-правовых исследованиях. Соответственно, не возникает споров относительно того, какие виды преступлений следует относить к этой группе, а какие нет.

Косвенным образом в Псковской Судной грамоте даётся указание на существование такого вида преступлений против личности, как месть посредством использования власти, находящейся в руках у преступника. Запрет «мститься судом» содержится в тексте присяги, которую приносят должностные лица Псковского княжества. В источниках права мы не встречаем какого-либо установленного наказания за это преступление, однако законодатель-

ный запрет фиксируется достаточно чётко в источниках права различного происхождения (Псковская Судная грамота и договорные грамоты с князьями).

Важное место среди преступлений против личности занимает убийство. Русская Правда вполне определённо различает два вида убийства. Как отмечал В.И. Сергеевич, одно из них – «обыкновенное убийство» – убийство в сваде, то есть в ссоре, в раздражении, в гневе. Убийство на пиру относится к тому же виду, поскольку совершается под влиянием застольного возбуждения. Эти убийства имеют характерную черту – они совершаются явно. Второй вид убийства – убийство без всякой свады, убийство в разбое – совершенное без гнева, без ссоры, тайно. Оно предполагает злое намерение и составляет квалифицированное убийство, которое влечёт более строгое наказание. Псковская Судная грамота в отличие от Русской Правды не проводит вообще никаких различий между видами убийства и уделяет этому виду преступлений относительно немного внимания.

Напротив, применительно к такому виду преступлений, как «бой и грабёж», Грамота предусматривает дифференциацию двух составов. Статья 20 Псковской Судной грамоты позволяет предполагать, что древнерусское право этого периода различало в случаях нападения на человека с целью ограбления два аспекта: собственно ограбление и сопровождавшее его избиение, то есть имущественный и личный аспекты.

Самым тяжким преступлением против личности, по Псковской Судной грамоте, являлось вырывание бороды. Почти все исследователи Грамоты единодушны в такой оценке, хотя некоторые авторы не отличали вырывание бороды от обычной «драки», объединяя их в одну группу и никак не объясняя различия в назначаемых штрафах.

В Псковской Судной грамоте в сравнении с Русской Правдой значительно больше внимания уделяется регулированию отношений по поводу собственности, носящих как гражданско-правовой, так и уголовно-правовой характер. На эту особенность нового этапа развития древнерусского права обращали внимание почти все исследователи, так или иначе затрагивавшие вопросы характеристики Псковской Судной грамоты.

Исследователи русского права периода Русской Правды включали в состав имущественных преступлений разбой, грабеж, разного рода кражи, умышленное повреждение или уничтожение чужого имущества. Эта система ко времени Псковской Судной грамоты претерпела некоторые изменения, причём, на взгляд диссертанта, центральное место в ней теперь занимало понятие «татьбы».

Татьба могла быть простой и квалифицированной. Простой считалась кража из закрытого помещения, из саней, с воза, из лодки, зерна из ямы, кража скота, сена, совершённая в первый или второй раз. Необходимо отметить, что в Псковской Судной грамоте не различаются кражи из закрытых помещений и кражи из открытых помещений. Независимо от того, откуда произошла кража, была ли она совершена в первый или во второй раз, виновный платил продажу в пользу князя в размере 9 денег. В этом смысле установления Грамоты существенно отличаются от положений современных ей источников права.

Кража, совершённая в первый раз, могла трактоваться как квалифицированная кража и подлежала смертной казни в тех случаях, которые Грамота определяет как «кримскую» и «коневую» татьбу (ст. 7 Грамоты). Термин «коневая татьба» не вызывает никаких разночтений в историко-юридической литературе, почти все исследователи согласны с тем, что этим понятием определялось конокрадство, известное ещё Русской Правде. Конокрадство во все времена относилось к тяжким видам татьбы, поскольку конь был важнейшим средством производства, а также имел военное значение, а значит, и особую ценность, с точки зрения государственных интересов. Общественная опасность данного деяния была подчеркнута еще в Русской Правде, предусматривающей за конокрадство наказание в виде выдачи на поток и разграбление, тогда как за татьбу из клетки назначалась продажа только 3 гривны.

Вопрос о содержании термина «кримский тать» до сих пор является дискуссионным в историко-юридической литературе и однозначно разрешить вопрос, что же имелось в виду — кража из кремля или кража из церкви — не представляется пока возможным. Наконец, также к квалифицированным видам татьбы относилась кража, совершённая в третий раз (ст. 8). Человек, который попался на третьей краже, показывает себя обществу в качестве неисправимого преступника, на которого не действуют меры социального

воздействия. Такой вор, несомненно, несёт значительную общественную опасность как антисоциальный элемент, в связи с чем к нему и применяется смертная казнь.

От татьбы в узком смысле этого слова, то есть собственно воровства-кражи, Псковская Судная грамота отличает грабёж ст. 1 Грамоты), а также выделяет такие виды преступлений против собственности, как разбой и наход. В исследовательской литературе нередко смешивались эти понятия, однако в диссертации аргументировано показаны различия рассматриваемых видов преступлений.

С Псковской Судной грамоты в древнерусском праве появляются преступления против государства. Из преступлений этой группы наибольшее внимание всегда уделяется «перевету», смертная казнь за который предусмотрена 7-й статьёй Грамоты.

Наряду с государственными преступлениями в Псковской Судной грамоте сурово преследуются преступления против порядка управления и суда. Со времён Русской Правды было принято являться в суд вместе с многочисленными родственниками, послухами и видоками – пособниками. В Псковской Судной грамоте ситуация коренным образом меняется – в зал проведения суда допускаются только сами стороны и свидетели, исключение допускалось только для женщин, малолетних, монахов и монахинь, престарелых и глухих, которые сохраняли право приглашать в суд своих пособников.

Поскольку христианское вероучение формировало идеологические основы древнерусского государства, защита церкви и христианских догматов становится одной из приоритетных задач светской власти. Очевидно, что преступления против веры также следует отнести к числу государственных преступлений. Об этой группе деяний ничего не говорится в Псковской Судной грамоте, однако летописи сохранили и донесли до нас некоторые случаи казни лиц, обвинённых в совершении преступлений против религии.

Наконец, в Новгороде и Пскове относительно рано сформировались такие виды государственных преступлений, как неисполнение обязанностей и превышение власти. В Псковской Судной грамоте впервые в истории русского права была зафиксирована присяга, которую приносило лицо, вступавшее в судебную должность.

Очевидно, что псковское право предусматривало ответственность за нарушение судебной присяги, хотя конкретные нормы в самом источнике не отражены, в связи с чем и мы не имеем информации, что собой представляла ответственность за нарушение присяги.

В Псковской Судной грамоте фиксируется ряд гражданско-правовых правонарушений. Например, статьи 114 и 118 Грамоты указывают на нарушение определённых принципов совершения договорного правоотношения. В результате сделка не может быть признана состоявшейся и имеющей законную силу, поскольку нарушено одно из важнейших условий её совершения – требование хорошего качества предмета сделки (в другом случае – принцип свободы волеизъявления лиц, вступающих в договорное правоотношение). Таким образом, есть основания утверждать, что во времена Псковской Судной грамоты действовали правила, известные уже по Русской Правде, согласно которым гражданско-правовым нарушением являлось несоблюдение принципов заключения договорных отношений. Нарушение этих принципов влекло за собой для правонарушителя обязанность возместить ущерб потерпевшей стороне.

Аналогичным образом в ст.72 Грамоты рассматривается ситуация, в которой субъект, имеющий право кормли, незаконно распоряжается имуществом, находящимся в его владении. Превысивший свои полномочия владелец присуждается к обязанности выкупить отчуждённое имущество, после чего лишается права кормли. Грамота в этом случае не налагает уголовного наказания, ограничиваясь возмещением ущерба и лишением нарушителя права владения.

Гораздо более широко, нежели институт кормли, известно в средневековом праве такое гражданско-правовое правонарушение, как потрава. В Псковской Судной грамоте случаи потравы никак не регулируются, однако сложно представить, что псковское общество не знало фактов потравы и не предусматривало какого-то порядка их правового регулирования.

Судя по тексту Закона Судного людем, не подлежали уголовной ответственности случаи случайного устройства пожара, не преднамеренного поджога. О возмещении ущерба в тексте источника ничего не сказано, однако логично предположить, что такое возмещение предусматривалось обычным правом. Отнесение по-

добных случаев к обычноправовому порядку регулирования объясняет, почему в Псковской Судной грамоте о них ничего не говорится.

Ещё один известный со времён Русской Правды вид гражданско-правовых правонарушений – неисполнение долга. В ст. 54 Пространной редакции Русской Правды предусматривалась ответственность за злостную неуплату долга. Неисполнение обязательства влекло за собой гражданско-правовую ответственность, однако как и в случае непреднамеренного поджога, невиновное неисполнение обязательства, произошедшее в результате форсмажорных обстоятельств, не влекло за собой ответственности.

Административные правонарушения в тексте Псковской Судной грамоты представлены очень скудно. Уже в 4-й статье Грамоты фиксируется такой вид правонарушений, как неправосудие, нарушение судьями своей профессиональной присяги. Особенностью этой группы правонарушений является то, что наказываются они не светским судом, а божественным, который откладывается до второго пришествия Христа.

В исследовательской литературе не обращалось внимания на то, что ст. 65 Псковской Судной грамоты устанавливает ответственность за ложный вызов должностного лица – пристава – в связи с татьбой. Никакая уголовно-правовая санкция в данном случае не предусматривается, Грамота предписывает возмещение издержек, которые понесло должностное лицо, за счёт правонарушителя.

В целом в период формирования и действия Псковской Судной грамоты группа административных правонарушений только начинает формироваться. Относительная неразработанность правового регулирования этой группы правонарушений связана со слабостью государственной власти и присущего ей административного аппарата. Поскольку правовое поле, в рамках которого существуют административные правонарушения, только начинает определяться, постольку и сами эти правонарушения только зарождаются как отдельный вид правонарушений. Тем не менее, уже обозначены такие виды административных правонарушений, как неисполнение или недобросовестное исполнение должностных обязанностей, а также вмешательство в деятельность государственных органов и должностных лиц, которое создаёт препятствия их нормальному функционированию.

В период действия Псковской Судной грамоты существовало представление о широкой группе преступных деяний, направленных против чести человека. К ним относились оскорбление словом, удар батоном или рукой по лицу, прелюбодеяние, изнасилование, связывание без вины, вырывание бороды, срывание женского головного убора, закрывающего волосы от посторонних взглядов. В отличие от предыдущего законодательства Псковская Судная грамота уделяет минимум внимания этой группе правонарушений, обращая внимание только на вырывание бороды.

В третьей главе **«Меры юридической ответственности по Псковской Судной грамоте»** выявляются виды ответственности, известные по Грамоте, а также конкретные формы уголовной, гражданско-правовой и административной ответственности.

Особую проблему в материале третьей главы составляет определение кровной мести в системе наказаний древнерусского права и её дальнейшей эволюции. Институт кровной мести существовал в древнерусском праве параллельно с формирующейся системой видов наказаний, устанавливаемых и осуществляемых государственной, исходящей прежде всего от князя, властью. В период действия Псковской Судной грамоты месть признаётся большинством исследователей уже изжитым институтом, который сменился новыми формами наказаний. Однако в массе городского и сельского населения Псковской земли институт мести, несомненно, сохранялся и на уровне правовых обычаев поддерживался. На это указывает, например, 26-я статья Псковской Судной грамоты, категорически запрещающая сводить счеты с обидчиком своими силами, угрожая за это ответственностью как за головщину. В рассматриваемый период месть тесно сближается с институтом самосуда, сохраняя при этом свой частноправовой характер. Законодательство в некоторых случаях решительно воспрещает самосуд, в других случаях допускает возможность решения дела без обращения к судебной власти, то есть частноправовым порядком.

В целом же диссертант приходит к выводу, что месть сохранилась в псковском праве вплоть до XV века, но чаще выступала в это время в виде самосуда, являясь, однако, и в этой ипостаси частноправовым способом воздействия на правонарушителя. Законодатель по отношению к этому институту проводит двойственную политику: с одной стороны, допускается его существование, с дру-

гой стороны, сфера его применения постепенно ограничивается, а сам институт замещается действием государственного судебного аппарата.

Проблема смертной казни как вида наказания является одной из наиболее сложных и дискуссионных в юридической науке. Наибольшее количество споров вызывает вопрос о происхождении смертной казни в русском праве. С XIX века существует точка зрения, что смертная казнь имеет иностранное происхождение, то есть этот институт был заимствован из чужеземной правовой системы. Также достаточно давнюю историю имеет точка зрения, выводящая институт смертной казни из обычая кровной мести. В древнерусском праве длительное время смертная казнь как вид наказания не могла прижиться, и только с XV века можно уверенно и обоснованно говорить о законодательном регулировании этого вида наказания и его широком применении.

Псковская Судная грамота явилась своеобразной вехой в развитии законодательства о смертной казни. Впервые в истории отечественного законодательства к действию смертной казни была отнесена целая группа преступных деяний. В дальнейшем постановления Псковской Судной грамоты о смертной казни вошли в состав Судебника Ивана III, заимствовавшего из неё некоторые выражения слово в слово.

Основным видом уголовно-правовых наказаний остаются штрафы. В период действия Псковской Судной грамоты сохранилось известное ещё по Русской Правде назначение двойственной ответственности – штрафа и компенсации пострадавшему. Однако сами штрафы существенно изменились, что особенно ярко выразилось в исчезновении вирных штрафных ставок. На место виры приходит штраф в размере одного рубля. При этом речь не идёт об изменении размера виры – сам институт виры исчез, а новый штраф является одной из ставок в системе штрафных ставок. Ещё одно важное отличие системы штрафов, по Псковской Судной грамоте, заключается в отсутствии дифференциации размера штрафа в зависимости от социального статуса объекта. Исключения здесь составляют преступления против должностных лиц, которые явно выделяются в отдельную группу преступных деяний.

Лишение свободы относится к числу новых видов наказаний, которые получают массовое распространение именно начиная с

Псковской Судной грамоты. Будучи упомянуты в Грамоте, уже в XVI веке разные виды лишения свободы становятся в Судебниках Московского государства основным видом наказаний. С другой стороны, некоторые виды лишения свободы имели давнюю историю и известны уже в древнейших источниках права (например, обращение в рабство).

На основе анализа широкого круга источников диссертант делает вывод, что хотя сама Псковская Судная грамота не предполагает назначения телесных и членовредительских наказаний, следует признать, что в это время наказания рассматриваемой группы применялись как светскими, так и церковными властями в своей судебной практике и неизбежно должны были быть включены в состав законодательных источников права, что и произошло в следующем, XVI столетии.

Древнерусское право уже в первых письменных памятниках характеризовалось последовательным назначением за совершенное правонарушение двух видов ответственности – уголовной и гражданско-правовой. Гражданско-правовая ответственность в Грамоте представлена гораздо более полно, нежели в предшествующих источниках права. Диссертантом были выделены такие виды гражданско-правовой ответственности, как возмещение ущерба, известное в двух формах: собственно возмещение причинённого ущерба и восстановление исходного состояния; лишение правонарушителя определённого права; лишение правонарушителя вещи, посредством которой неоднократно наносится ущерб; лишение права наследования.

Административно-правовая ответственность в Псковской Судной грамоте представлена в своей самой ранней стадии становления. Прежде всего это установление Грамоты об ответственности судей за неправосудие, а также иные формы ответственности за административные правонарушения. Например, согласно ст. 57 Псковской Судной грамоты, судебные приставы, не выполнившие порученное им дело по собственной вине, лишались должности. Таким образом, в Грамоте мы встречаем первый вид административной ответственности – отстранение от должности в связи с невыполнением должностных обязанностей. Следует предполагать, что постепенно этот вид административной ответственности распространялся и на другие правонарушения, связанные с неиспол-

нением должностных обязанностей или нарушением присяги должностного лица. Также, видимо, начинают применяться административно-правовые штрафы, однако в полном виде они представлены в другом памятнике – в Новгородской Судной грамоте.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются обобщающие выводы по теме исследования.

**По теме диссертации автором опубликованы
следующие работы:**

Монография

1. Хачатрян А.В. Правонарушения и юридическая ответственность во времена Псковской Судной грамоты: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Note Bene, 2010. – 163 с. (10,25 п.л.)

**Публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях
и журналах, перечень которых утвержден ВАК**

2. Хачатрян А.В. Субъективная сторона преступления по Псковской Судной грамоте // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. №6 (64). С. 147-149 (0,27 п.л.)

3. Хачатрян А.В. О защите права собственности по Псковской Судной грамоте // Право и государство: теория и практика. 2009. № 7 (55). С. 108-110 (0,37 п.л.)

4. Хачатрян А.В. Проблема мести в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1 (11). С.157-160 (0,4 п.л.)

5. Хачатрян А.В. Преступления против государства по Псковской Судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 2 (12). С. 105-107 (0,4 п.л.)

Публикации в иных изданиях:

6. Хачатрян А.В. О понятии преступления по Псковской Судной грамоте // Актуальные проблемы юридической науки: сб. научных трудов. Вып. 5. – Тольятти: ТГУ, 2008. С. 331-338 (0,23 п.л.)

7. Хачатрян А.В. Виды преступлений по Псковской Судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского государственного универ-

ситета. Специальный выпуск «Правоведение». 2008. № 2 (2). С. 192-193 (0,18 п.л.)

8. Хачатрян А.В. Объективная сторона преступления по Псковской Судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». 2008. № 3 (3). С. 143-144. (0,23 п.л.)

9. Хачатрян А.В. Смертная казнь в период Псковской Судной грамоты // Актуальные проблемы юридической науки: сб. научных трудов. Вып. 6. – Тольятти: ТГУ, 2009. С. 291-293 (0,36 п.л.)

10. Хачатрян А.В. Система штрафов по Псковской Судной грамоте // Правонарушения и юридическая ответственность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тольятти, 3-4 декабря 2009 г. / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. – Тольятти: ТГУ, 2009. С. 356-359 (0,4 п.л.)

11. Хачатрян А.В. Преступления против собственности по Псковской Судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». 2009. № 2 (5). С. 154-156. (0,36 п.л.)

12. Хачатрян А.В. Субъекты правонарушений во времена Псковской Судной грамоты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». 2009. № 5 (8). С. 126-128. (0,23 п.л.)